

ГЕННАДИЙ БЕЗЗУВОВ

жизни медленной, малозаметной,
Обстоятельной, старозаветной
Трудно что-нибудь предпочесть,
И особенно - в возрасте, если
Есть возможность раскинуться в кресле,
И другие возможности есть.

А другого житья не представишь.
Где-то кто-то насается клавина,
Воскрешая не музыку, нет,-
Что-то прожнее, что - непонятно.
На стене разноцветные патна -
Расчлененный, разрушенный свет.

В речи тоже случилась заминка.
Нет уже ни вокзала, ни рынка,
Все просеяло, перемолов,
Ежедневное частое сито,

И осталась от прежнего быта
Кучка невразумительных слов.

Даже меньше. Забытая сила
Не томит, за глаза бы хватило
Для беседы каких-нибудь двух:
- Я живу.- Вот и все, что потребно,
И такая беседа целебна,
Подтверждая, что тело есть дух.

Июль 1942

Этих шинлей на заре
Вид застенчивый, подводный,
В отрывном календаре
Дух витает несвободный.
Киев, тысяча пятьсот
Внеутренних забот.

Киев, Киев, трубный глас
Не возвал еще с откоса,
Свет вечерний не угас,
Не отпели песнь колеса,
Киев, медленные дни...
Боже, град нам сохрани.

Сохрани хотя бы часть
От бессмысленной и скорой,
Не накладывай печать,
Нет спасенья от которой,

Не наглядывай печать
И трубе вели молчать.

Или, если уж никак
Оправдаться мы не сможем,
Дай тогда особый знак,
Чтобы камни стали лозем.
Чтобы можно было лечь,
Ожиданье сбросив с плеч.

И запомнить день на склоне,
Левый берег на виду
Между листовенных ладоней
В Ботаническом саду,
И узоры на коре,
Там, внизу, в монастыре.

Рассыпается каменный остов.

Сколько лет - шестьдесят? девяносто?—

Прокил он в переулке крутом,

убегавшем кверху винтом

По заросшим кустарником кручам?

Может, где-нибудь в будущем лучшем

Снова стены подымут, и он

В тупичке меж сараем и вленом

Приподнимется робко над склоном

Собеседником новых времен?

Нам нужны и кирпич, и бревно,

значит, выжить не суждено...

И стоит-то как - боком, нелепо...

Где-то рядом жила Готман Назена,

А напротив портилки мой дед.

Это было до главных побед.

Лед постылся, почитывал Тору,

А Мазепе, злодею и вору,
 Так измена и лезла на ум...

Шум Подола, шум времени, шум
 Торга житного — где тут граница,
 за которой смогу прислониться,
 Помолчать, отрешиться, вздохнуть...

Суть Подола, суть времени, суть
 этой пыльной и взрывчатой смеси,
 Сердце Клева, чрево, душа,
 От которой уже ни шипа
 Не осталось.

Дышал, куралесил,
 Запустел, провалился, подгнил,
 снова ожил, опять воспарил,
 что блестящие краской фасады
 Подтверждают. И, значит, не надо
 Тосковать — все своим чередом.
 Утешение в этом найдем —
 Любонитством легко поступиться,
 Побродить, у Самсона напиться,

Воротиться, покружить ус...

Отдынусь. Постой. Оглянусь.

июль 1983